ВОЕННОЕ ДЕЛО НА РУСИ ЭПОХИ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ

М. Г. Рабинович

Середина XIII и XIV столетие были для Руси временем тяжких испытаний, напряженного труда, упорной борьбы. Монголо-татарское иго наложило отпечаток на всю жизнь русского народа. Свержение ненавистного ига стало главной задачей страны, что во многом определило не только ход политических событий, но и формирование определенных черт духовной и материальной культуры, прежде всего военного дела. Зарождение Русского централизованного государства и становление великорусской народности способствовали возрастанию военной мощи и совершенствованию военного искусства, что, в свою очередь, облегчило победу на Куликовом поле. Она оказалась возможной тогда, когда Русь сумела сплотиться, создать сильное войско, способное разбить неприятельские орды.

Русское военное искусство имело давние традиции. Монголо-татарское разорение задержало развитие русских княжеств, а то и отбросило их назад во многих отношениях, но не в отношении военного искусства. Исследователи указанной проблемы в большинстве своем согласны в том, что никакого регресса или застоя в военном деле на Руси тогда не наблюдалось [1]. Это не может показаться странным, если учесть, что поражение русских княжеств означало в данном случае появление еще одного мощного и чрезвычайно опасного противника, для борьбы с которым было жизненно необходимо мобилизовать все имевшиеся силы. Русские военные и политические деятели того времени сумели извлечь необходимые уроки из разразившейся катастрофы.

Это обстоятельство отчетливо выступает при анализе событий ближайших после монголо-татарского нападения лет. Казалось бы, русские княжества, только что подвергшиеся страшному разгрому, были обескровлены, и даже те русские земли, которых орды с Востока еще не достигли, должны были стать легкой добычей сильных соседей. Но случилось как раз обратное: натиск шведских и немецких феодалов был остановлен. Справедливо подчеркивая роль в этих событиях новгородского войска, исследователи не всегда в достаточной мере оценивают значение других русских сил, в частности суздальских. Александр Невский, сын великого князя Ярослава Всеволодовича, располагал в походе против немецких отрядов не только войском всей Новгородской земли, но также суздальскими и переяславскими полками, приведенными его братом Андреем Ярославичем. Значение этой военной помощи было современникам ясно. Немецкая рифмованная хроника особо отмечает, что Александр двинулся «со множеством других русских войск из Суздаля; они имели без числа луков, множество прекрасных броней, их знамена были богаты, их шлемы сверкали на солнце» [2]. Это описание грозного, сильного войска. Между тем не прошло и пяти лет с тех пор, как Суздальское княжество подверглось разрушительному монголо-татарскому нашествию.

---

[1] Б. А. Рыбаков. Военное искусство. «Очерки русской культуры XIII—XV вв.». Ч. I. Материальная культура. М. Б/г., стр. 348—388; А. Н. Кирпичников. Военное дело на Руси в XIII — XV вв. Л. 1976, стр. 11.

[2] «Livländische Reimchronik». Stuttgart. 1844, S. 60. Русские летописи также указывают, что Александр Невский выступил против немецких войск «с новгородци и с братом Андреем, и с низовци» («Новгородская первая летопись старшего извода». М.-Л. 1950, стр. 78).

1. Численность и состав войска

В XIII—XIV вв. произошли важные изменения как в социальном составе русского войска, так и в его организации. То и другое было обусловлено необходимостью противопоставить врагу войско, по крайней мере соответствующее его силам по численности и превосходящее по организации и вооружению. Исследователи сходятся на том, что причиной победы монголо-татар было в первую очередь их численное превосходство. Трудно сказать, как обстояло бы дело, если бы русские княжества могли тогда противопоставить этим полчищам объединенное, монолитное, находящееся под единым командованием войско. Но не вызывает сомнений тот факт, что нападавшие во всех сражениях имели решающий численный перевес над русскими, силы которых оказывались разрозненными [3].

Какой же была обычная численность этих войск? Ответить на данный вопрос нелегко. К сожалению, описания войск и сражений во все времена и у всех средневековых народов имеют тот существенный недостаток, что авторы военных хроник обычно стремились преувеличить численность войска противника и масштаб сражения в целом. Давно доказано, что не заслуживают доверия в этом отношении, например, описания большинства средневековых кампаний. Не являются исключением в этом плане и русские летописи. К тому же данные разных летописей расходятся между собой [4]. Но в отдельных случаях (обычно как раз не в тех, когда противопоставляются силы сторон в конкретном сражении) летописи сообщают вполне правдоподобные цифры. По данным «Повести временных лет» можно заключить, что в конце XI в. крупная княжеская дружина состояла примерно из 700 человек, а войско всей Киевской земли в лучшем случае — из 8 тыс., но и такое количество людей трудно было собрать в разоренном войнами княжестве [5]. Вполне очевидно, что этого было недостаточно для борьбы с сильным противником. В XII—XIII вв. феодальная раздробленность, по-видимому, привела к уменьшению численности войск каждого княжества, поскольку и сами княжества стали меньше. Дружина князя могла достигать лишь нескольких сот человек, а все войско княжества — нескольких тысяч. Это было характерно вообще для феодальных войск средневековья. «Развитие феодального государства,— писал Ф. Меринг,— полно войн и военной шумихи, но его военные возможности чрезвычайно малы, войска невелики по численности» [6]. Если Великий Новгород мог еще в конце XII в. выставить для важного похода до 12 тыс. войска [7], то это скорее исключение.

В начале рассматриваемого периода численность войск не увеличилась сколько-нибудь заметно. Можно предположить, что отряды удельных князей по-прежнему были невелики. В частности, московский князь имел «двор» из нескольких сот, много — из тысячи дружинников, а все его войско вместе с вспомогательными отрядами вассалов достигало нескольких тысяч человек. Однако в XIV в. с возвышением Москвы и ростом Московского княжества росло и его войско. Подобное же положение было в Тверском и в Суздальско-Нижегородском, а вероятно, и в Рязанском княжествах. Князья увеличивали свой «двор» по мере подчинения уделов. Росли не только княжеские дружины, но и число вассалов — бояр и вольных слуг, выводивших свои войска по зову сюзерена. О том, какие силы могли участвовать в крупных кампаниях в первой половине XIV в., можно судить, например, по летописному известию о походе Ивана Калиты на Тверь в 1327 году. Для поддержки московского князя из Орды послали «пять темников» [8], а в целом войско его, по-видимому, превышало 50 тысяч. Даже если отряды темников были неполными, речь идет все же о нескольких десятках тысяч бойцов — сила для Руси того времени необычная. У Твери не нашлось сколько-

---

[3] В. В. Каргалов. Освободительная борьба Руси против монголо-татарского ига. «Вопросы истории», 1969, № 3, стр. 106—111.

[4] М. Г. Рабинович. Новгородское войско XI — XII вв. «История русского военного искусства». Т. I. М. 1943, стр. 53—55.

[5] «Повесть временных лет». М. 1950, стр. 143—144.

[6] Ф. Меринг. Очерки по истории войны и военного искусства. М. 1938, стр. 79.

[7] «Никоновская летопись». ПСРЛ. Т. X. М. 1965, стр. 6.

[8] ПСРЛ. Т. IV. СПБ. 1848, стр. 200. «Тма», «тъма» — 10 тыс. (см. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. III. СПБ. 1903, стб. 1081—1082).

нибудь соответствующих войск, и она была разгромлена. Вместе с тем по тогдашним масштабам военные силы Твери были весьма значительны. За несколько лет до того тверичи одержали победу над москвичами. В частные же операции посылались по-прежнему отряды в тысячу или в несколько тысяч человек. Войско в 5 тыс. человек летописцы называли «великим» [9].

В течение последующего полустолетия численность войска русских княжеств должна была увеличиваться. Однако надежных сведений на этот счет в источниках нет. Необходимо также учитывать, что и самые цифры численности войск, приведенные в летописях, вероятно, могли употребляться летописцами не как числительные в современном смысле слова, а как термины, принятые в Древней Руси [10]. Войско какого-либо города называлось «тысячей» независимо от того, сколько в нем реально насчитывалось людей, и могло делиться на десять «сотен» (в Новгороде, например, эти «сотни» сводились в пять кончанских полков). Соответственно и распространенные наименования военачальников «тысяцкий» и «сотский» не позволяют судить о численности их отрядов. В большом городе «тысяча» могла быть в несколько раз больше, а в маленьком — меньше указанного числа [11].

Эти обстоятельства не позволяют судить с достаточной точностью и о численности войск, встретившихся на поле Куликовом. Названная летописью цифра — 200 тыс. войск Дмитрия Донского (100 тыс. приведенных им самим и столько же — другими князьями) [12] — большинством исследователей признается преувеличенной. Но в определении действительного числа войск они расходятся. Так, академик Б. А. Рыбаков считает, что русских могло быть до 150 тыс. против 300 тыс. монголо-татар [13]. Академик М. Н. Тихомиров, указывая, что повести о Мамаевом побоище «дают совершенно легендарные цифры» войск Мамая «в 200, 400 и более тысяч человек», осторожно подходит и к оценке численности русских войск. Он подчеркивает, что «далеко не все русские земли приняли участие» в этой битве. В частности, там не было ни новгородских, ни тверских, ни нижегородских, ни рязанских, ни смоленских полков. Основное ядро войска составляли москвичи, а союзников Дмитрия Донского было сравнительно немного, и владели они второстепенными или окраинными вотчинами: князья белозерские, ярославские, брянские, муромские, елецкие, мещерские. Но и М. Н. Тихомиров считает вероятной цифру в 100—150 тыс. русских воинов, а всех сражавшихся на Куликовом поле с обеих сторон — в 200—300 тысяч [14].

Некоторым основанием для такого предположения могут служить утверждения современников о том, что русские силы, собранные для похода против Мамая, были, по тогдашним понятиям, чрезвычайно велики; что никогда до тех пор не знала Русь таких больших войск. «От начала миру,— писал летописец,— такова не бывала сила русских князей и воевод местных» [15]. Описывая выступление войск из Москвы, очевидцы подчеркивали, что их не могла вместить обычная дорога, и уже с самого начала они двигались тремя различными путями. «Но того ради не пошли одною дорогою, яко не мощно им вместитися» [16].

Именно то, что тогдашние пути сообщения не позволяли передвижения особенно больших масс войск (да и само поле Куликово не так уж велико по площади, чтобы вместить до полумиллиона бойцов с обеих сторон), заставило военных историков называть меньшую цифру русских войск — от 50—60 тыс. до 100 тыс. [17], а с учетом необходимости четкого руководства всеми боевыми единицами при тогдашних средствах управления боем даже еще меньшую — максимально 36 тыс. человек [18]. Нам

---

[9] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Т. I. СПБ. Б/т., стр. 1192.

[10] Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 354.

[11] Там же.

[12] ПСРЛ. Т. VIII. СПБ. 1859, стр. 34—35.

[13] Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 386—387.

[14] М. Н. Тихомиров. Куликовская битва. «Повести о Куликовской битве». М. 1959, стр. 252—259.

[15] ПСРЛ. Т. VIII, стр. 34.

[16] «Повести о Куликовской битве», стр. 89.

[17] А. А. Строков. История военного искусства. Т. I. М. 1955, стр. 287; Е. А. Разин. История военного искусства. Т. 2. М. 1957, стр. 272—273.

[18] А. Н. Кирпичников. Указ. соч., стр. 16.

представляется, что наиболее вероятная численность русских войск на поле Куликовом — до 50 тыс. человек. Но и она для тогдашней Руси очень велика: чтобы выставить столько войска, нужно было напряжение всех сил многих русских земель.

Говоря о социальном составе русского войска XIII—XIV вв., должно учесть прежде всего именно этот фактор — напряжение всех сил для свержения монголо-татарского ига. Конечно, при тогдашней социальной структуре общества не могло быть и речи о поголовном участии в войске всех взрослых мужчин. Но необходимость значительного увеличения боевых отрядов требовала расширения социальной основы войска. Если в период феодальной раздробленности главную роль играла дружина князя, его «двор», возглавляемый «дворским» и состоявший из постоянно живших при князе «отроков», «детей», или, как их еще называли, «дворных слуг», «слуг под дворским»; если важным слагаемым военной силы княжества были отряды крупных феодалов, вассалов князя — бояр и иных «вольных слуг» (так именуют их источники), то есть, по сути дела, такие же феодальные дружины, как и княжеская, состоявшие из «отроков», «паробков», «детей боярских» (только численность их была меньше и, может быть, они хуже были вооружены); если известную роль играли также городские полки, комплектовавшиеся из ремесленников, купцов и иных горожан (роль эта не была одинаковой во всех русских землях), то теперь появляется новая социальная группа, которой суждено выдвинуться в военном деле на первый план. Речь идет о новой прослойке феодального класса — дворянах. То были люди, которым князья давали «поместья» на условиях обязательной военной службы. Первое четкое упоминание о таком держании относится к 1339 г.: «Село в Ростове Богородичское, а дал семь Бориску Воръкову,— читаем в духовной грамоте Ивана Калиты,— аже иметь сыну моему которому служити, село будет за нимь, не иметь ли служити детем моим, село отоимуть» [19].

Первые известия о помещиках именно под эгидой московских князей — факт знаменательный. Но вряд ли это было явлением исключительным или возникшим только во второй четверти XIV века. Ведь держатели условных владений появились не в одном только Московском княжестве. По более поздним материалам видно, что объем участия помещика в войске тщательно регламентировался; что размеры и населенность его поместья и его денежное жалованье целиком зависели от того, в каких кампаниях он сражался, скольких людей привел с собой и как они вооружены. Источники формирования этой прослойки класса феодалов были разнообразны. Укажем два главнейших. Помещиками становились княжеские «отроки». Вероятно, потому и распространились на них прежде имевшие более узкое значение термины «дети боярские», «дворяне». Но был и иной путь: поместьями верстались зависимые люди — послужильцы бояр, входившие ранее в их дружины и имевшие военные навыки [20]. По-видимому, уже на первых порах путь в это военно-служилое сословие был не только «по отечеству». Само «уничижительное» именование помещика Воркова «Бориском» говорит о его незнатном происхождении.

Положение различных классов феодального общества в отношении военной службы было в XIV в. неодинаковым. Дружинники и холопы-послужильцы для того и содержались феодалами, чтобы воевать. По зову помещики должны были являться «конны, людны и оружны», иначе «село отоимуть». А вот крупные вассалы (бояре или иные «вольные слуги») могли выбирать, с кем и против кого идти в поход. Межкняжеские договоры содержат взаимный отказ от приема на службу чужих «дворных слуг» и «черных людей», но «боярам и слугам вольным воля» [21]. Князь, от которого они ушли, обязывался «нелюбья не держати», «в села их не вступатися» [22]. Таким образом, вотчины в отличие от поместий в случае отказа от службы не подлежали конфискации. Конечно, по мере того как центральная власть становилась сильнее, московские князья все больше стремились ограничить право вольного перехода бояр.

---

[19] «Духовные и договорные грамоты русских князей XIV — XVI вв.» (ДДГ). М.-Л. 1950, № 1, стр. 10.

[20] К. В. Базилевич. Новгородские помещики из послужильцев в конце XV в. «Исторические записки». Т. 4. 1945.

[21] ДДГ, № 2, стр. 12—13; № 11, стр. 31.

[22] Там же, № 2, стр. 12—13.

В войске участвовали все горожане: ремесленники, купцы, «молодшие люди» — городские низы, живущее в городе боярство. В конце XIII — XIV в., однако, и в городских полках начинает ослабевать роль ремесленников и усиливается значение местных феодалов и их «паробков», «молодых людей». В XV в. этот процесс еще более усилился [23]. Наконец, в некоторых случаях в войске принимали участие и крестьяне. Это относится в первую очередь к жителям пограничных областей, постоянно находившихся под угрозой вражеских нападений (в рассматриваемый период это были в основном Псковские земли, отбивавшие нападения Тевтонского ордена, а позже — южные и юго-восточные районы, где из крестьян создавалось казачество). Крестьянская рать в XIII—XV вв. была эффективна преимущественно в обороне. В отрядах, выводимых по зову князя служилыми людьми, имелись и крестьяне из их поместий.

Таким образом, отличительными чертами русского войска XIII—XIV вв. были расширение источников его комплектования, появление и усиление роли служилых землевладельцев-помещиков, а дружинники и «вольные слуги» не играли теперь той первенствующей роли, как в домонгольский период, хотя значение их было еще велико.

2. Организация войска

В эпоху средневековья и в Западной Европе, и на Востоке ударным родом войска являлась конница. В зависимости от условий, в которых протекали военные действия, прежде всего от особенностей военных сил и тактики противника, различались конница тяжелая («снастная рать») и легкая. Развитию этого рода войск способствовали причины социальные и политические. Тому содействовала непрекращавшаяся борьба с постоянными набегами кочевников: чтобы дать отпор их легкой коннице, требовались сильные конные отряды. Не случайно даже формулировка выступления в поход звучала в те времена на Руси так, будто дело шло только о коннице: «Всести на конь». «А коли ми будет самому всести на конь, а тебе со мною»,— говорилось, например, в «докончании» великого князя Дмитрия Ивановича с князем серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем. Подобные выражения есть и в других тогдашних союзных межкняжеских договорах [24]. Известия о сражениях показывают, что конница была главным родом войска, а пехота, лучники (конные стрелки) и появившаяся в конце рассматриваемого периода артиллерия имели вспомогательное значение.

Но историки отмечают, что уже в XIII — XV вв. при сохранении господствующего положения конницы несколько увеличивается роль пехоты, в частности городских полков [25]. Процесс этот не был повсеместным. Если в северо-восточных землях Руси развитие его было обусловлено ростом городов, то в Новгородской земле как раз с XIV в. господство бояр привело к усилению в войске дружинных элементов и к уменьшению роли пехоты, состоявшей в основном из городских ремесленников («черных людей»). А в XV в. попытка посадить новгородцев-горожан на коней окончилась крупнейшим поражением в Шелонской битве [26]. Между тем в южнорусских землях росло значение пехоты, вербуемой из крестьян-смердов [27].

Лучники, игравшие большую роль еще во второй трети XIII в. (напомним об участии суздальских стрелков в Ледовом побоище), в дальнейшем как самостоятельное войско не упоминаются [28]. А. Н. Кирпичников предполагает, что в XIV—XV вв. постепенно стиралась грань между «стрельцами» из лука и «копейцами»: конный воин должен был в равной мере владеть и луком, и копьем, и саблей. Но упоминания «садаков» (комплектов из лука в налучье и стрел в колчане), изображения конных стрелков с луками и археологические находки большого количества наконечников стрел, в том числе специально боевых, приспособленных для поражения сквозь коль-

---

[23] М. Г. Рабинович. О социальном составе новгородского войска. «Научные доклады высшей школы», Исторические науки, 1960, № 3, стр. 89—93.

[24] ДДГ, №№ 11, 13, стр. 36, 38.

[25] Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 383; А. Н. Кирпичников. Указ. соч., стр. 12.

[26] М. Г. Рабинович. О социальном составе новгородского войска, стр. 91—95.

[27] Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 353.

[28] А. Н. Кирпичников. Указ. соч., стр. 14—17.

чугу, говорят о распространении стрельбы из лука как боевого приема. При этом в боевых условиях лучники сражались на конях. Соединений пеших лучников, подобных тем, какие были известны в Западной Европе, русское войско не знало.

Развитие артиллерии как рода русского войска не отождествляется на первых порах с появлением именно огнестрельных орудий. Мировое военное искусство в течение многих веков знало применение механических метательных орудий. На Руси эти орудия вместе с ударными — таранами еще в XI—XIII вв. входили в более широкую группу средств осады и обороны городов, носившую общее название «пороки». Самое слово «порок», «прак» связано с более знакомым нам словом «праща», производным от которого является чешский глагол «praštiti»—метать [29] (аналогично русский глагол «стрелять» происходит от слова «стрела»). По-видимому, в узком смысле слова «пороками» назывались метательные орудия. Но в русских источниках этот термин употреблялся и в более широком смысле. «Пороки» были известны на Руси задолго до монголо-татарского нашествия, однако применялись они мало, поскольку тогдашние войска далеко не всегда ставили перед собой задачу полностью овладеть городом [30]. В XIII в. внешние противники стремились именно к захвату и разрушению городов и широко прибегали к «порокам», что способствовало совершенствованию подобного рода артиллерии у русских на севере и северо-востоке как для обороны, так и для осады городов. Специалистов, умевших обращаться с «пороками», называли на Руси «мастера порочные». Они упоминаются в летописях при описании подготовки к военным действиям («пороки чинити»), походов, в которых участвуют «мастеры порочные» (и, видимо, орудийная прислуга), осады и обороны городов («пороки бьют») [31]. В последней трети XIV в. в число «пороков» уже входили и огнестрельные орудия — «тюфяки» и «пушки», позже ставшие основой русской артиллерии.

В XIV в. значительно меняется организация русского войска. Этого требовали как задачи военного искусства того времени, направленные на сосредоточение всех военных сил и средств для свержения монголо-татарского ига, так и изменения в социальном составе войска и в соотношении родов войск. Из слабо организованной феодальной рати постепенно создавалось сильное централизованное войско, которое смогло обеспечить сначала гегемонию московских князей над другими русскими князьями, а затем завоевать независимость и для всего русского народа. Уже тогда с ослаблением роли княжеских дружинников начинают падать сила и значение отрядов местных князей. Прежние их вассалы мало-помалу переходят на службу московского князя. Да и удельные князья нередко теряют свои уделы и идут на московскую службу, образуя важную группу московских бояр-княжат. Новый контингент войска — дворяне-помещики, составлявшие основу конницы,— требует довольно четкой организации, которой надлежит обеспечить постоянную боевую готовность и своевременную мобилизацию этих людей, рассеянных в мирное время по своим поместьям, а также учета службы помещиков. Для XIV в. нет точных сведений ни о регулярных смотрах, ни о специальном управлении такими войсками. Позднее все это находилось в ведении Разряда и Поместного приказа. Но какие-то учреждения, выполнявшие эти функции, должны были существовать хотя бы в зародыше. Есть мнение, что первые разрядные книги были введены в княжение Дмитрия Донского, а подробные росписи полков и воевод делались примерно раз в пять лет [32].

Вместе с тем остаются и многие старые феодальные институты. Так, по-видимому, личная дружина князя по-прежнему состояла в ведении «дворского». «Дворский» как начальник «двора» нередко упоминается в межкняжеских договорах. Уже говорилось о некотором усилении роли городского войска, поставлявшего лучшую пехоту. Но при этом значение самой организации горожан («тысячи») падает. Это особенно четко прослеживается на примере Москвы. Городская «тысяча», возглавляемая тысяцким, как правило, представителем одной из знатнейших фамилий города, служила оплотом боярской оппозиции великим князьям. Интриги бояр, занимавших влиятель-

---

[29] И. И. Срезневский. Указ. соч. Т. II. СПБ. 1895, стб. 184.

[30] М. Г. Рабинович. Осадная техника на Руси X — XV вв. «Известия» АН СССР, серия истории и философии, 1951, т. VIII, № 1.

[31] Там же, стр. 71—73.

[32] Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 381.

ную должность тысяцкого, нередко приводили к серьезным политическим кризисам. Один из них, вызвавший массовый отъезд московских бояр к тверскому князю в 1355 г., был связан с таинственным убийством московского тысяцкого Алексея Петровича Хвоста, врага московских князей Семена Гордого и Ивана Красного. Видимо, московские тысяцкие и позднее продолжали занимать позицию, враждебную московским князьям. Не прошло и 20 лет, как должность тысяцкого была упразднена: в 1374 г., когда умер тысяцкий В. В. Протасьев. Сын его в следующем году бежал к тверскому князю, но через несколько лет был захвачен и казнен в Москве [33]. На поле Куликовом сражались многие москвичи, но они уже не составляли особой «тысячи», хотя представители рода московских тысяцких — Вельяминовы упоминаются в числе воевод. В 1382 г., когда Москва оборонялась от нашествия хана Тохтамыша, «тысячи» не существовало. Горожане организовали сами защиту города. При этом важную роль сыграли корпорации крупных купцов — сурожан и суконников. Оборону возглавил служебный князь Остей [34]. Ликвидация городской «тысячи», попавшей в руки бояр, была важным этапом в усилении великокняжеского войска.

В XIII—XIV вв. организация русского войска основывалась еще на принципе вассалитета. Удельные князья должны были выступать в поход по зову сюзерена — великого князя. Договоры между князьями, в которых сюзерен именуется «старшим братом», а вассалы — «младшими братьями», подробно разрабатывают условия такого выступления. В частности, подчеркивается, что «младший брат» должен «всести на конь», если «старший брат» участвует в походе лично; а если войско великого князя возглавляет воевода, то «своих воевод послати» [35]. Дружина каждого князя, его «двор», в этих случаях выступает под началом своего «дворского».

В рассматриваемый период роль князей и их дружин в организации войска была еще велика. Это можно наблюдать не только в Московском княжестве, но, например, и в Рязанском: в 1365 г. Олегу Рязанскому выступил на помощь удельный князь Владимир Пронский. Однако в процессе объединения русских земель вокруг Москвы структура войска, состоявшего из отрядов, возглавляемых удельными князьями, неизбежно должна была быть сломана. «Под рукой» московского князя оказалось такое количество мелких князей, а дружины их так уменьшились, что существование подобных микроотрядов не имело смысла. В походе Дмитрия Ивановича против Твери в 1375 г. участвовали 17 князей, явившихся на зов сюзерена «кийждо с силою своею» [36]. Характерно, что пятеро из них, вероятно, не были уже фактическими владельцами княжеств, поскольку летописец не называет их уделов, ограничиваясь именем и отчеством.

В тот период отчетливо выступает новый, территориальный принцип организации войска. В 1377 г. Дмитрий Иванович послал на помощь своему вассалу князю Дмитрию Константиновичу Суздальско-Нижегородскому «рати своа — Володимерскую, Переяславскую, Юриевскую, Муромскую, Ярославскую» [37]. Князья здесь даже не упомянуты. Б. А. Рыбаков отмечает, что территориальный принцип комплектования войска возобладал над старым, удельным уже при Дмитрии Донском. Он приводит пример мобилизации войск для похода на Новгород в 1385 г., когда были набраны 23 территориальные рати [38]. Возглавили их воеводы, назначенные великим князем. Он оставался командующим всеми военными силами страны, но осуществлял руководство через бояр-воевод, в число которых попадали в отдельных случаях и княжата, и удельные князья. Но в XIV в. еще не отошли окончательно в прошлое дружины вассальных князей. Без них великокняжеское войско не могло бороться с таким сильным противником, как монголо-татары. Отъезд Дмитрия Донского из Москвы в 1382 г. при приближении Тохтамыша летописец объясняет тем, что князья «не хотяху помогати, бе бо неодиначество и неимоверство» [39].

---

[33] ПСРЛ. Т. VIII, стр. 10, 21—22, 33.
[34] ПСРЛ. Т. VII, СПБ. 1856, стр. 41—42.
[35] ДДГ. № 9, стр. 26.
[36] ПСРЛ. Т. VIII, стр. 22.
[37] Там же, стр. 25.
[38] Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 382.
[39] ПСРЛ. Т. VIII. стр. 43.

Мобилизация русских войск осуществлялась по приказу великого князя, который рассылал специальные грамоты «во все великое княжение свое к братии своей и повеле всем людем к себе вборзе быти» [40]. Слова «к братии своей» указывают на то, что по крайней мере в 1375 г., к которому относится это известие, ответственность за своевременную явку войск возлагалась в основном на удельных князей. Позднее этим ведали воеводы. Назначались и пункты, куда нужно было явиться. В походе против Мамая, увенчавшемся Куликовской победой, таким пунктом была Коломна. Собравшееся войско «уряжали», сводя мелкие отряды в крупные полки. Тут назначались и воеводы, по нескольку на каждый полк. В 1380 г. собранные у Коломны войска были «уряжены» в четыре полка, объединившие для похода 20 местных отрядов. А перед самой битвой произошло перераспределение сил в связи с разработанным планом сражения на пять (по некоторым данным, на шесть) полков [41], у каждого из которых было несколько воевод. Например, засадным полком, сыгравшим в битве такую большую роль, командовали удельный серпуховской князь Владимир Андреевич и великокняжеский воевода Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский.

3. Военная техника

Исследования последних десятилетий опровергают высказанные в прошлом веке мнения, будто русское оружие «в XIII в. начало уступать, а в XIV в. совсем уступило татарскому» [42]. Б. А. Рыбаков отмечает, что воинское снаряжение в тот период мало изменилось по сравнению с домонгольским и оставалось на высоком уровне [43]. А. Н. Кирпичников также приходит к выводу, что монголо-татарский разгром не привел к упадку на Руси оружейного производства; произошло лишь перемещение центров его из разоренных Поднепровья и Ополья на северо-запад — в Новгород и Псков, на юго-запад — в Галич и Холм [44]. Позднее на первый план выдвигаются московские арсеналы.

В эпоху средневековья ни одно государство не могло рассчитывать на вооружение своего войска чужеземным оружием в сколько-нибудь значительных масштабах. Это относится также к Северной и Северо-Восточной Руси, поскольку юго-восточные соседи и главные противники ее — монголо-татары не только не имели превосходства в производстве оружия, но сами стремились получить русское вооружение [45], а противники с Запада, в частности немецкие рыцарские ордена, строго следили за тем, чтобы, например, в Новгородскую землю не проникало никакое оружие и даже боевые кони из Западной Европы. Купцам, нарушавшим этот запрет, грозило лишение всего имущества [46].

Вооружение русского войска в рассматриваемый период производилось оружейниками, в основном городскими ремесленниками или мастерами, зависевшими от крупных феодалов. В больших городах оружейники заселяли целые улицы или даже слободы. Известна, например, Щитная улица в Новгороде Великом [47]. Само название говорит о том, что оружейное дело достигло высокого уровня и было уже специализировано. Позднее среди горожан встречаем бронников, кольчужников, сабельников, лучников и т. д.

Мнение дореволюционных исследователей, что вооружение русских воинов принадлежало князьям, хранилось на княжеских складах и выдавалось лишь на время походов [48], источниками не подтверждается. Есть основания предполагать, что вас-

---

[40] Там же, стр. 22.

[41] А. Н. Кирпичников. Указ. соч., стр. 16.

[42] В. А. Висковатов. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПБ. 1899, стр. 29.

[43] Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 353.

[44] А. Н. Кирпичников. Указ. соч., стр. 95.

[45] Сведения об этом относятся к XV в. (см. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М. 1948, стр. 599).

[46] М. Г. Рабинович. Из истории русского оружия. «Труды» Института этнографии АН СССР, новая серия, 1947, т. 1, стр. 67.

[47] Там же, стр. 73

[48] Н. С. Голицын. Русская военная история. Ч. 1. СПБ. 1877, стр. 36.

сал должен был являться на службу к своему сюзерену уже вооруженным. Переписные книги и смотровые десятни (правда, не XIV, а XVI—XVII вв.) содержат сведения о том, кто из помещиков какое число слуг и в каком вооружении должен был выставлять, какое личное оружие обязан был иметь, в какую сумму оценивался каждый предмет вооружения, кто из горожан с каким оружием «будет» по зову на войну. Снабжаться оружием на княжеском дворе могли лишь ближайшие слуги князя — его «дворяне», «отроки», но не все войско. Однако крупные феодалы должны были иметь значительные запасы личного оружия и, конечно, «пороки», а позднее — пушки и пищали. Артиллерия была вооружением, доступным только крупному феодальному государству, а не мелким удельным княжествам. Кроме того, в княжеских кладовых хранилось лучшее личное оружие князя и его семьи, пополнявшееся не только изделиями отечественных мастеров, но и драгоценными зарубежными подарками, приобретениями и трофеями. Так, уже в XIV в. начало, по-видимому, создаваться богатейшее собрание оружия московских великих князей, лучшая часть которого вошла позже в фонд Оружейной палаты [49].

Личное оружие русских воинов в XIII—XIV вв. принадлежало в основном к тому же типу, что и оружие домонгольского периода. Но этот тип вооружения видоизменялся, пополнялся новыми предметами в зависимости от того, как был вооружен и какую тактику применял противник. Защитным вооружением по-прежнему являлись щит, броня и шлем. Щит был главной защитой воина и вместе с копьем составлял как бы основу, необходимый минимум оружия. Желая сказать, что войско выступило в поход невооруженным, летописец в 1371 г. писал, что не взяли с собой «ни щит, ни копий, ни иного которого оружия» [50]. Судя по дошедшим до нас изображениям, в XIII—XIV вв. были распространены три формы щитов, встречавшиеся еще в X—XIII вв.: круглые, миндалевидные и треугольные. Но соотношение этих форм несколько изменилось: в XIII в. чаще употреблялся треугольный щит, к концу XIV в. конница вновь вернулась к круглым щитам, однако несколько меньшего размера, чем прежде (щит закрывал по диаметру лишь четверть роста воина) [51]. Уменьшение размера и веса щита было связано с тем, что улучшилась броня, и важнейшим качеством щита стала его большая подвижность. Появились и щиты новой, усложненной формы — с ложбинкой для руки воина, называвшиеся на Западе павезами. Но в XIV в. они были еще редки.

Броня русских воинов в XIII—XIV вв. оставалась, как и прежде, в основном кольчужной. Из металлических проволочных колец изготовлялась гибкая, прочная, относительно легкая защитная одежда, чаще всего рубахи [52] длиной почти до колен, с рукавами несколько выше локтя, а также части боевых наголовий — сетки, прикреплявшиеся к шлемам. Известные по изображениям западноевропейских рыцарей кольчужные чулки в русском вооружении не встречались. Относительно реже применялся разного рода пластинчатый доспех, более крепкий, но тяжелый. Металлические пластины, закрывавшие грудь и спину воина, могли быть квадратными, прямоугольными или в форме чешуек и нашиваться на матерчатую или кожаную основу или же переплетаться кольцами кольчуги. Широкое распространение на Руси пластинчатого и чешуйчатого доспеха относится уже к XV—XVI векам. Голову воина защищал металлический шлем. Древнее название «шелóм» в XIV в., по мнению А. Н. Кирпичникова, стало обозначать лишь старую его разновидность: высокий, плавно вытянутый кверху шлем с кольчужной сеткой — «бармицей», защищавшей

[49] Г. Л. Малицкий. К истории Оружейной палаты Московского Кремля. «Государственная оружейная палата Московского Кремля». М. 1954, стр. 509—513.

[50] ПСРЛ. Т. VIII, стр. 13.

[51] А. Н. Кирпичников. Указ. соч., стр. 43—48.

[52] Кольчужная рубаха и называлась собственно кольчугой. Слово «кольчуга» и наименование мастера «кольчужник» встречаются впервые во второй половине XVI века. До тех пор кольчуга входила в общее понятие брони (М. Г. Рабинович. Раскопки 1946—1947 гг. в Москве на устье Яузы. «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА). М. 1949, № 12, стр. 16—17). Гипотеза А. Н. Кирпичникова о том, что термин «броня» обозначал кольчугу, а «доспех» — пластинчатую защитную одежду (А. Н. Кирпичников. Указ. соч., стр. 8—10), требует подтверждения, поскольку в источниках встречается выражение «обрезати брони» (ПСРЛ. Т. IV, ч. 1. Птгр. 1915, стр. 344), которое к кольчуге применено быть не может. Для обозначения пластинчатого доспеха употреблялся также термин «броне досчатые».

затылок и уши. В XIV в. распространилась другая разновидность шлемов: относительно низкий, увенчанный коротким навершьем «шишак», или «чечак» (впервые упомянут в княжеском завещании 1359 г.) [53].

Говоря о комплексе защитного вооружения в целом, отметим, что уже в XIV в. намечается некоторое утяжеление боевой одежды и соответственно уменьшение и облегчение щита, которым больше маневрируют. Вот какое впечатление производило готовое к бою войско: «Доспехи же русские аки вода силная во вся ветри колебашеся, шеломы на главах их аки утренняя заря во время солнца ведреного светящеся, еловци же (султаны.— М. Р.) шеломов их аки поломя огняное пашется» [54]. Так описывает современник русские полки на поле Куликовом. Речь, видимо, идет о кольчужной броне, которую автор весьма удачно сравнивает с водной рябью, и высоких, увенчанных султанами шлемах.

Наступательное личное оружие было весьма разнообразным. Копья и сулицы (дротики), мечи и сабли, топоры и бердыши, луки и стрелы, булавы, шестоперы и кистени. Условно его можно подразделить на оружие дальнего (луки и самострелы, отчасти сулицы) и ближнего боя (остальные перечисленные виды). Главным наступательным оружием было копье. Копьями вооружались «коневницы» и «пешцы», городской полк, княжеские дворяне и поместная конница. Копьем стремился пронзить врага нападающий всадник. Пехота противостояла коннице, также ощетинившись копьями. В соответствии с этой задачей древко ударного копья было длинным, а наконечник уже в XIV в. начали делать более узким и крепким, приспособленным для пробивания щита и брони. Возможно, уже тогда на тупой конец древка у пехотного копья стали надевать небольшое острие — «вток», чтобы удобнее было упирать копье в землю при нападении врага. Имеющиеся сведения о боевом построении пехоты «ежом», когда задние ряды клали копья на плечи передних, предполагают соответственно и разную длину древка у копий.

Метательное копье — сулица по форме наконечника приближалось к копью обыкновенному. Характерные для него в домонгольский период зубцы у основания пера и длинная втулка, или черешок, исчезают. В дальнейшем на вооружении конницы появляются наборы из трех-четырех дротиков — «джиды» [55]. В качестве боевого копья употреблялась и рогатина: копье собственно охотничье, относительно короткое, с массивным широким наконечником и втоком на тыльном конце древка. Рогатину применяли в основном для охоты на медведя, в боевых же условиях это было оружие по большей части не профессиональных воинов, а пехотинцев-крестьян, реже горожан.

Рубящим оружием в XIII—XIV вв. служили меч, сабля и разного рода топоры. Мечи с заостренным клинком, которыми можно было и колоть, и рубить, удобны в бою с противником, одетым в тяжелый доспех. Ими чаще всего были вооружены конные воины Псковской и Новгородской земель. В музее Пскова можно увидеть такой меч псковского князя Довмонта. Меч оставался и символом княжеской власти. Летописец рассказал о том, как в городском соборе Пскова Довмонта перед боем торжественно опоясали мечом [56]. В северо-восточных и южнорусских областях, где главным противником были легковооруженные войска, большинство конных воинов имели сабли. В XIV в. оружейники начали делать сабельные полосы большей кривизны, так что удар сабли стал более режущим, чем рубящим [57], что было особенно удобно, если противник имел только легкую защитную одежду.

С утяжелением брони вновь приобрел значение боевой топор. Из оружия простонародья он стал оружием дворянским и даже княжеским. Небольшие, богато отделанные топорики могли служить также символом власти военачальника. Во всяком

---

[53] ДДГ, № 4, стр. 16. Мнение (А. Н. Кирпичников. Указ. соч., стр. 29—31, 33), что шелом мог надеваться поверх шишака, недостаточно обосновано.

[54] «Сказание о Мамаевом побоище». Летописная редакция. «Повести о Куликовской битве», стр. 96.

[55] А. Н. Кирпичников. Указ. соч., стр. 21; М. Г. Рабинович. Военное дело в Московской Руси в XIII—XV вв. «История русского военного искусства». Т. I, стр. 108.

[56] «Псковские летописи». Вып. 1. М.-Л. 1941. стр. 3.

[57] А. Н. Кирпичников. Указ. соч., стр. 27.

случае, воин с боевым топором нередко изображался на княжеской печати или на монетах; известны такие печати и монеты Дмитрия Донского и Федора Ярославского. Боевые топорики найдены при раскопках в Рязанской, Владимирской, Калужской землях [58]. Вместе с тем топорами вооружалась и пехота, причем есть основания думать, что это были простые рабочие топоры, которые брали с собой на войну крестьяне и горожане. Специально же приспособленные для пехоты, вооруженной ручным огнестрельным оружием, топоры-бердыши появились на Руси и в Западной Европе лишь во второй половине XV века [59].

Против утяжеленного доспеха оказалось весьма эффективным и такое ударное оружие, как палицы, цепы, кистени. Удар по шлему оглушал закованного в латы рыцаря, выводил его из строя и делал легкой добычей пехоты. Булавы — массивные железные или каменные набалдашники на коротком древке, их разновидность шестоперы — кованые наконечники с шестью вертикальными ребрами — «перьями» и железные палицы нередко встречаются при раскопках и упоминаются в источниках. Железной палицей был вооружен, например, Дмитрий Донской во время Куликовской битвы. Шестопер появился на вооружении русских воинов в XIII в., почти на целое столетие раньше, чем у западноевропейских рыцарей. К началу XIV в. булава и шестопер стали знаками военачальников. Позднее, в XVIII в., булава была символом власти украинских гетманов, а перначи-шестопер — полковников. Простой народ выходил на бой с обыкновенными дубинами — «ослопами». О комплекте наступательного оружия собранного «из поселей» пешего войска дает некоторое представление такая запись летописца XV в.: «Пешая рать многа собрана и с ослопы, и с топоры, и с рогатины» [60].

«Саадак», состоявший из лука в специальном чехле (налучье) и колчана со стрелами, был непременной принадлежностью конного воина. Налучье подвешивалось к седлу слева, колчан — справа. В XIII—XIV вв. конный воин должен был быть одновременно и лучником, и копейщиком, отлично владеть саблей или мечом, топором и булавой. Вместе с тем при осаде и обороне городов применялись самострелы [61].

Броню и доспехи надевали только перед самой битвой, а во время похода везли их на возах в ящиках. Одна из миниатюр Лицевого свода изображает как раз момент, когда воины перед боем надевают броню. Во время битвы нередко поверх брони надевали одежды. Недаром летописцы называют непокрытый доспех «голым» и с восхищением описывают шитые золотом плащи поверх доспехов. Верхняя боевая одежда (плащи, кафтаны, охабни), по всей вероятности, имела какие-то местные отличия. Автор «Сказания о Мамаевом побоище» рассказывает, как воеводы «нача полки ставити и оустрояти их во одежду их местную», а потом и сами облачились в «местные одежды» [62]. Видимо, это было важно для управления боем. По всей вероятности, перед нами зачатки военной формы, позволявшей отличать не только своих от чужих, но и разные части собственного войска. Кроме того, существовали знаки отличия воевод (в Древней Руси — украшенные золотом шлемы, плащи и пояса). В этой связи интересен эпизод, описанный в «Сказании о Мамаевом побоище». Перед самым сражением Дмитрий Иванович снял с себя и надел на своего любимого боярина «приволоку» (короткий плащ), отличавший военачальника, отдал ему своего коня в богатом убранстве и велел возить за боярином великокняжеское знамя, то есть, по сути дела, создал ложный командный пункт, который отвлек, возможно, немало сил врага. «И под тем знаменем убиен бысть (Бренко.— М. Р.) за великого князя». Когда после боя на поле нашли тело Бренка, то «чаяша его великим князем... князь великий плакася и рече: «Моего де образа Михайло убиен еси... яко мене ради на смерть сам поехал» [63]. Этот драматический эпизод подчеркивает значение опознавательных знаков в рукопашном бою.

---

[58] Коллекция Государственного Исторического музея, №№ 27730, 78605, 78607, 5476 и др.

[59] А. Н. Кирпичников. Указ. соч., стр. 22.

[60] ПСРЛ. Т. XII. М. 1965, стр. 62.

[61] А. Н. Кирпичников. Указ. соч., стр. 67—71.

[62] М. Г. Рабинович. Из истории русского оружия, стр. 94; ПСРЛ. Т. IV, стр. 79.

[63] «Повести о Куликовской битве», стр. 99, 104—105.

Опознавательными знаками отдельных отрядов служили стяги — знамена, по движению которых следили за перемещением отрядов. Количество стягов и военных музыкальных инструментов — труб и барабанов определяло иногда численность войска, а навершья и знаки на полотнищах — принадлежность отряда. Полки, в которые объединялись эти отряды, также имели свои знамена. «Повести о Куликовской битве» также подчеркивают, что «кождо въин идеть под своим знаменем» [64].

В XIV в. большое значение сохраняли крепости. Их возводят в узловых пунктах и на стратегически важных направлениях, преграждая путь вторжению противника. К этому веку относится строительство множества крепостей в Псковской и Новгородской землях, Московском, Тверском и Рязанском княжествах. Коренным образом реконструировались и старые крепости: их стены становились более мощными [65], зачастую снабжались каменными башнями, а то и возводились целиком из камня. Широкий же размах строительства каменных крепостей в Северо-Восточной Руси относится уже к XV—XVI векам. В XIV в. возводились дубовые укрепления, например в Москве в 1339 г., в Серпухове в 1374 году. Впрочем, выражения летописца «срубити город в едином дубу», построить «дубов град» нужно относить скорее всего к верхнему строению крепости — ее «заборолам» и башням. Мощные валы имели по-прежнему дерево-земляную конструкцию.

Строительство «белокаменного града» в Москве в 1367 г. было широко отмечено современниками, справедливо связывавшими эти работы с политической ролью Московского княжества, его возросшей военной мощью, объединительными тенденциями князя: «Князь великий Дмитрий Иванович, погадав с братом своим с Володимиром Андреевичем и со всеми бояры старейшими, и сдумаша ставити город камен Москву... надеяся на свою великую силу, князи рускыи начаша приводити в свою волю» [66]. То обстоятельство, что огромная работа была проведена всего за год [67], говорит о значительной экономической мощи Московского княжества, о развитии русского военно-инженерного искусства. Уже в следующем, 1368 г. новая каменная крепость остановила очередной набег литовского князя Ольгерда, что показывает стратегическую дальновидность московских воевод. Тыл московского князя в его борьбе с Ордой был теперь надежно обеспечен. В 1373—1376 гг. было положено начало новой южной сторожевой линии на Оке [68], которая позже получила название «берега» и легла в основу обороны юга Московского государства, так называемой засечной черты, состоявшей из крепостей и лесных завалов — «засек», препятствовавших вторжению татарской конницы. Засечная черта, продвигавшаяся в XVI—XVII вв. к югу, сыграла большую роль в формировании территории Европейской России.

4. Стратегия и тактика

Главные черты военной стратегии определялись политическими задачами. В XIII—XIV вв. это была активная оборона от натиска немецких войск и ордынских набегов, причем стремились по возможности переносить военные действия на территорию, занятую противником [69]. Важной стратегической задачей было укрепление самого центра Московского государства, а также создание на его границах оборонительных линий и опорных пунктов. Но в сложных политических и тактических обстоятельствах решались выйти и навстречу нападавшему врагу, за пределы защищаемой территории, как это было, например, в походе против Мамая. Внутри самой Руси ясно выделилась единая стратегическая линия, направленная к объединению Русской

---

[64] М. Г. Рабинович. Древнерусские знамена (X — XV вв.) по изображениям на миниатюрах. «Новое в археологии». М. 1972, стр. 171—172; «Повести о Куликовской битве», стр. 66.

[65] П. А. Раппопорт. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X — XV вв. МИА. Л. 1961, № 105.

[66] ПСРЛ. Т. XV, вып. 1. Птгр. 1922, стр. 83—84.

[67] Оригинальный метод исследования, примененный Н. Н. Ворониным, позволил восстановить картину этого строительства (см. Н. Н. Воронин. Московский Кремль (1156—1367 гг.). МИА. М. 1958, № 77, стр. 57—66).

[68] А. Н. Кирпичников. Указ. соч., стр. 62.

[69] Б. А. Рыбаков. Военное искусство, стр. 359, 369, 380—381.

земли. Эту задачу решали крупные княжества, среди которых к середине XIV в. на первом месте стояла Москва. В целом характер войн изменился в том смысле, что чаще стали стремиться к захвату городов и земель, осаждать города и искать сражений, а не только разорять землю противника. Войны по-прежнему носили изнурительный характер, серьезно ослабляя обе стороны. Тем не менее, победив в сложной, изобиловавшей драматическими эпизодами дипломатической и военной борьбе своих соперников, Москва твердо вела русские земли к освобождению от ордынского ига. Б. А. Рыбаков пишет, что в борьбе московских князей с Новгородом, Тверью, Нижним Новгородом важное стратегическое значение приобрела Кострома (откуда можно было наносить удары как по Новгородской земле, так и по Верхнему и Среднему Поволжью), а на севере — Волок Ламский [70]. На западе Московского государства в XIV в. большое стратегическое значение имели верховья Москвы-реки с городами Можайском, Вереей, Рузой и крайним западным форпостом против Литвы — Тушковом [71].

Одним из важнейших тактических приемов XIII—XIV вв. была хорошо налаженная разведка легкими конными отрядами, высылаемыми на большие расстояния и собиравшими сведения о силах и намерениях противника. Пожалуй, наиболее ярким примером в этом отношении является подготовка к Куликовской битве. Находясь еще в Москве, Дмитрий Иванович регулярно получал от высланной в степь «твердой сторожи» — отрядов по 50—70 «крепких юнош», то есть, по всей вероятности, конных дружинников [72],— сведения о движении перешедших Волгу войск Мамая, о его намерениях соединиться с Ягайлом Литовским. Исходя из этих сведений, Дмитрий Иванович и назначил сборным пунктом для русских войск Коломну, от которой легко было двинуть рать в верховья Дона или на Волгу, смотря по надобности. В Коломне от приведенного разведчиками «языка» русские воеводы узнали, что Мамай «не спешит того для, яко осени ждет, хощет быти на русские хлебы». Тогда-то и было принято решение выступить всеми силами к верховьям Дона. После прибытия туда разведка донесла, что Мамай «ожидает Ягайла Литовского и Олга Рязанского, твоего же собрания не ведает» [73]. Таким образом, русская разведка длительное время держала под неусыпным наблюдением ордынское войско, в то время как враг еще за два дня до решающего сражения, которое состоялось 8 сентября, не знал о приближении русских. Это был важнейший тактический успех.

Основными тактическими единицами в XIII—XIV вв. являлись уже не мелкие феодальные отряды («стяги»), а полки, в которые эти «стяги» сводились еще на местах сбора. Каждый полк имел свою задачу как в походе, так и в бою. Думается, что в XIII—XIV вв. сложились зачатки того тактического членения войска на пять полков, которое столь отчетливо прослеживается в источниках XVI—XVII веков. Однако в тот период эта система находилась еще в зародышевом состоянии.

Быстроте передвижения войска и внезапности нападения придавалось первостепенное значение. Б. А. Рыбаков подсчитал, что на юге Руси легкие конные отряды проходили иногда по 65—78 км за сутки [74]. Лесистый и болотистый север, конечно, не позволял таких быстрых передвижений, а крупные войска перемещались значительно медленнее, в особенности если они включали пехоту. Вспомним, что Дмитрий Иванович с войском шел от устья Лопасни до верховьев Дона (примерно 130—150 км) 12 дней, в среднем по 10—12 км в день.

Боевой порядок войска для полевого сражения еще до XIII в. членился по крайней мере на три части — центр (чело) и фланги (крылья). Обороняясь, стремились принять удар на чело, охватить нападавшего противника крыльями и окружить его. Примерно такой была схема Ледового побоища 1242 г. с тою разницей, что впереди боевого порядка находились стрелки из лука. В дальнейшем усиливалась ма-

---

[70] Там же, стр. 377, 380.

[71] М. Г. Рабинович. Крепость и город Тушков. «Советская археология». Тт. XXIX — XXX. М. 1958, стр. 286.

[72] Б. А. Рыбаков. Военное искусство, стр. 358—360; «Повести о Куликовской битве», стр. 50.

[73] «Повести о Куликовской битве», стр. 94.

[74] Б. А. Рыбаков. Военное искусство, стр. 354.

невренность войск, увеличивалась продолжительность сражения, которое то как бы затихало, то вновь ожесточалось. При этом легко меняли первоначальный план действий, обескураживая противника неожиданными маневрами, проникая глубоко в центр и тыл его расположения, вплоть до заднего полка, или применяя фланговые удары [75]. В Куликовской битве, кроме традиционного центра и крыльев, были еще передовой, сторожевой и засадный полки. Впрочем, названия этих полков появились только в более поздних источниках, а о существовании их в XIV в. надежных сведений нет.

Ордынской коннице были противопоставлены непривычные для нее приемы: сомкнутый строй пехоты, хорошо защищенной природными препятствиями с флангов и поддержанной мощной конницей. Тактическими новшествами были спрятанный «в зеленой дубраве» засадный полк (которому придавалось огромное значение, вполне им оправданное) и создание ложного командного пункта, немало дезориентировавшего врага. Победу обеспечили прежде всего мощь русского войска, его чрезвычайно большая для того времени численность, прекрасное вооружение, единство и твердость командования, высокий боевой дух. Известно, что победа досталась очень дорого. Когда, кончив преследовать бегущего противника, русские вернулись «каждый под знамя свое», то недосчитались очень многих. «Зде же не всех писах избиенных имена,— читаем в летописи,— токмо князи, бояре нарочитыи и воеводы, а прочих бояр и слуг оставих множества ради имен, мнози бо на той брани побиени быша» [76]. Можно себе представить, сколько же полегло на поле Куликовом простых людей, если даже не всех бояр смог назвать летописец.

Куликовская битва показала силу и боеспособность русского войска, волю народа к победе, к свержению ордынского ига и готовность идти ради этого на любые жертвы. Победа над ордынцами была обеспечена в военном отношении перестройкой боевых сил, созданием вместо разрозненных феодальных отрядов большого, хорошо вооруженного и устроенного войска под эгидой Великого княжества Московского.

---

[75] Там же, стр. 356; А. Н. Кирпичников. Указ. соч., стр. 7—8.
[76] ПСРЛ. Т. VIII, стр. 40.